

ИЗ ИСТОРИИ СОЦИАЛЬНОЙ МЫСЛИ

СУД НАД ИСТОРИЕЙ НЕЧТО О ФИЛОСОФИИ ИСТОРИИ

НИКОЛАЙ КАРЕЕВ

Предлагаемая вашему вниманию статья принадлежит перу замечательного русского ученого Николая Ивановича Кареева (1850—1931). Это имя сегодняшнему читателю мало что говорит. Между тем Н. И. Кареев был весьма оригинальным социологом, одним из основателей до недавнего времени ругаемой «субъективной школы в социологии»). Для современного читателя несомненный интерес представляют такие его работы, как «Введение в изучение социологии» (СПб, 1897), «Историология: Теория исторического процесса (Пг., 1915), «Общие основы социологии» (Пг., 1919).

«Суд над историей» впервые был опубликован в журнале «Русская мысль» (1884. № 2. С. 1—30). Статья была написана еще весьма молодым ученым-историком, работавшим тогда профессором Варшавского университета. А до этого Н. И. Кареев, родившийся в православной дворянской семье в Москве, с блеском закончил в 1873 г. университет в Первопрестольной, написал прекрасное исследование, составившее эпоху в изучении Великой французской революции, — «Крестьяне и крестьянский вопрос во Франции в последней четверти XVIII века» (М., 1879) — и за свои прогрессивные убеждения получил почетную ссылку: работу в отдаленном от обеих столиц России Варшавском университете. Там он закончил свою докторскую диссертацию «Основные вопросы философии истории» (Т. 1—2. М., 1834), существо которой получило отражение в публикуемой статье.

В конце 1884 г. Н. И. Кареев не без труда перебирается в С.-Петербург, где в университете протекает вся его дальнейшая жизнь. Накануне

9 января 1905 г. он стремится вместе с другими общественными деятелями предотвратить кровавые события, за что — заключается в Петропавловскую крепость.

Восторженно приветствуя Февральскую революцию 1917 г. в России, он Октябрь того же года встретил как неизбежность — Кареев понимал: в русской революции порыв к свободе таил в себе и волю к разрушению. Примечательно, что Н. И. Кареев никак не соглашался с начавшимся в нашей стране обобществлением мысли, шедшим рука об руку с обобществлением промышленности. Это, по-видимому, и послужило одной из причин гонений на русскую профессуру старой школы, в том числе и на Кареева. Затравленный в периодической печати и на всякого рода «про-работках», он скорострительно скончался 18 февраля 1931 г. с пушкинскими словами на предсмертных устах: «Да здравствует солнце, да скроется тьма!»

Публикацию текста, вступительную статью и комментарии подготовил В. П. Золотарев. Остается добавить, что орфография статьи Кареева приведена в соответствие с современными нормами, пунктуация оставлена авторская.

I

Философия истории!.. Что такое в самом деле эта философия истории, о которой вот уже более столетия¹ говорят и пишут на всевозможных языках и люди всевозможных профессий? Что такое, спрашиваем мы, философия истории? И вы, читатель, имеете право повторить этот вопрос, потому что сами станете недоумевать, если пороетесь в литературе, посвященной философии истории, или только прислушаетесь к разговорам, касающимся этого предмета. В самом деле, один будет развивать перед вами древнюю мысль, что «история есть наставница жизни» (*historia est magistra vitae*), своего рода моралистка по формуле — «сей басни смысл таков», — и сообразно с таким взглядом на нашу науку определит характер ее философии. Не успели вы вдуматься в эту мысль, как приходит к вам другой и, исходя совсем из другого взгляда на задачи человеческого знания, доказывает вам приблизительно следующее: когда не было химии, была алхимия, когда не было астрономии, была астрология; теперь алхимии и астрологии нет, а есть химия и астрономия; таково же отношение между философией истории и социологией, а так как пора же, наконец, создать положительную науку об обществе, то по боку философию истории. Третий не так радикален, и для него философия история только синоним именно этой самой социологии. Четвертого не удовлетворяет и это решение вопроса: он видит в спорной науке, так ска-

зять, квинт-эссенцию истории, что, согласитесь, не одно и то же, что наука об обществе. Наконец, пятый заявит вам, что, по его мнению, это система предписаний о том, как следует заниматься исторической наукой. Не страшно ли в самом деле? Более ста лет говорят и пишут о вещи, которая до сих пор неопределена, как следует, и которая является перед вами, как Протей², под тысячами образов. Вот почему, начиная говорить о предмете, соприкасающемся с философией истории, мы хотим прежде всего определить, в каком смысле мы будем употреблять это выражение.

Мы нисколько не против того, чтобы извлекать из истории мораль: опыт веков не должен же пропадать для нас даром, — но мораль морали разнь: одно дело извлекать поучения из отдельных фактов, хотя бы, напр., о непрочности человеческого величия по поводу печального конца Наполеона I, другое — извлечь нечто поучительное из всего хода истории, философское изучение которой может показать нам, куда мы идем и куда придем, если будем относиться к исторической жизни спустя рукава, как относились к ней культурные народы Востока и Запада, жившие до и после нашей эры, пока не задумались над внутренним смыслом великой драмы человечества. Разве это алхимия, разве это астрология? Вот, если вы будете додумываться до сокровенной сущности истории, не отряхая пыли с вековых хартий, а «доходя до всего собственным умом», строя поэтически-воздушные замки, то это будет алхимия и астрология. Но ненадежность воздушных замков все более и более делается очевидною, и скоро не останется на белом свете ни одного человека, который считал бы возможным построить всемирную драму из одних категорий логики. А ведь, были такие люди, и они-то так дискредитировали философию истории, что приходится доказывать многим ее право на существование, хотя и с опаской, как бы вас не причислили к сонму обскурантов, астрологов и алхимиков. Дело, однако, не упрощается, если вы убедите неверующих, что можно создать научную философию истории: на первых порах вы достигаете только того, что ваши противники заключают коалицию с теми, которые признают тождество философии истории с социологией. Новые недоразумения, новые споры! Против вас выходят теперь противники с знаменем, на котором начертано: социология единая и нераздельная! То есть: или философия истории то же самое, что социология, или она не должна существовать.

Мы имеем претензию думать иначе: это само по себе, а то само по себе. Пусть социология исследует законы, которыми управляются общественные явления, пусть философия истории укажет вам па последовательную смену социальных явлений во времени. Есть законы психологии, управляющие духовною жизнью людей, но если существует психология, то резон ли уничтожать биографии, а, ведь история есть именно биография человечества, и подобно тому, как из всякого жизнеописания можно извлечь некоторую квинт-эссенцию, называемую характеристикой, так можно дать характеристику истории отдельных народов и всего человеческого рода, и она-то, эта характеристика, должна называться философией истории. Вы, положим, социолог, — вот примерная программа вашей науки: понятие об обществе, роды и виды социальных союзов, их строение и функции, семья, род, племя, государство, законы их развития и т. д. в этом роде. Совсем по другому плану вы будете писать философию истории, и, этот план, вероятно, будет такой: древнейшие цивилизации Востока, греческий мир, Рим и его империя, средние века, новое время и т. п. Нужно же, ведь, связать в одно целое то, что называется всемирно историческим процессом, и внести в изучение этого целого одну руководящую идею, известную точку зрения, прогрессируем мы или регрессируем, сменяются ли век золотой серебряным, серебряный медным, медный железным, или же смена эта происходит в обратном порядке, если только не окажется лучшим сравнить историю с приливами и отливами, с круговоротом небесных светил и другим чем-нибудь подобным. Так и смотрим мы на задачу философии истории, которой позволяем мирно существовать рядом с социологией.

Мы говорим «философия истории», но чьей истории? Конечно, истории человеческой, истории людей. Помните ли вы глубокого смысла слова великого Учителя: «не человек для субботы, а суббота для человека»?

Мы никогда не видели такой цивилизации, но мы видели и видим людей: это они делали и делают историю и цивилизацию, это они испытывают радость или горе от той и другой, а потому одни они в сущности и имеют настоящую историю. Отойдем в сторону! Пусть развернется перед нами картина истории людей и пусть сами заинтересованные произнесут свой суд над своими судьбами: в истории цивилизации мы становимся нередко, сами того не замечая, на слишком личную точку зрения. Впрочем, сколько бы доводов ни

привели нам в пользу существования направления, с которым связаны блестящие имена Гизо³ и Бокля⁴, мы, вероятно, и не отвергнем ни одного, потому что не вычеркиваем сами истории цивилизации из числа гуманитарных наук; мы только хотим сказать, что философия истории и история цивилизации не совсем совпадают, поскольку имеют разные предметы. Опять не место распространяться здесь о взаимных отношениях обеих отраслей знания: это завело бы нас слишком далеко, да и из последующего читатель увидит, что мы возлагаем на философию истории несколько специальную задачу, о которой не говорят ни Гизо, ни Бокль. Мы сами должны извлечь из истории ее уроки, а этого мы не можем сделать, не произнеся над ней того или другого, нашего же суда. Сообразно с тем приговором над ходом истории, который мы изрекаем, мы так или иначе располагаем свою деятельность и выбираем ту или иную дорогу. Все философы истории действительно были более или менее ее судьями — оптимисты и пессимисты, энтузиасты и скептики прогресса, гуманисты и субботники (да простится мне этот неологизм). Суд над историей — вот сущность философии истории.

Суд над историей!.. Легко сказать! Не слишком ли большая эта претензия, потому что, в конце концов, задача сведется, пожалуй, к тому, чтобы один человек судил дела миллионов людей и сотней людских поколений? Да, именно суд над людьми и суд над человечеством! Что же? Не мы первые говорим о такой задаче, не мы, вероятно, и последние, и были же, кроме того, мыслители, которые совершали подобный суд над историей, чтобы оправдать Бога, как будто Бог нуждается в этом оправдании. Но взгляните в тайники своей души, обернитесь к окружающим вас людям, и вы увидите, что все мы постоянно судим историю и ее результаты для нас и для других; не лучше ли будет, если мы, вместо того, чтобы рубить, что называется, с плеча, положим в основу нашего приговора данные строгой науки? В этом и заключается *raison d'etre*⁵ философии истории, а потому, право, нужно немножко подумать, прежде чем выкидывать ее за борт в тот океан забвения, где потонули алхимия и астрология с их философскими камнями и гороскопами.

II.

Во всякой настоящей философии истории, хотя бы она и не носила этого названия, вы непременно найдете эти три вещи: более или менее широкие обобщения, или то, что мы назвали квинт-эссенцией истории, известного рода суд над нею, или то, что разумеется под именем ее смысла, и поучение, т. е. взгляд на то, что должно быть признано желательным для будущего. Правда, последнее иногда не выражено ясно, но, тем не менее, красной нитью проходит через все сочинение. Возьмите, напр., Историю цивилизации в Европе Гизо; хотя она и не подходит вполне под наш идеал философии истории, тем не менее, мы вынуждены дать ей это имя, потому что в этой общей картине истории Европы вы найдете и суд над прошлым в том оптимизме, который характеризует Гизо, и объяснение политических взглядов автора книги. Мало того: нет ни одного исторического сочинения, в котором не было бы никаких обобщений, никакого приговора над прошлым и никакой «морали»; только в обыкновенных исторических сочинениях обобщения, приговоры, поучения не играют первой роли. Но, в сущности, каждый человек поступает так же, как философ истории, и вот каким образом.

Вся индивидуальная жизнь слагается из массы опытов: жизненный опыт для человека есть школа, жизненный опыт для него и предмет, подлежащий его суду, и тот же, наконец, жизненный опыт обобщается для него в характеристику его личного существования. Но что такое личное существование? Результат суммы разнообразных условий. Чем созданы эти условия? Всем прошедшим того общества, к которому человек принадлежит. Следовательно, характеристика личного существования есть, так сказать, квинт-эссенция одного из моментов истории; приговор над условиями личного существования — суд над одним из результатов истории, а из личного опыта каждый извлекает для себя поучение. Извлекая из совокупности отдельных опытов общий взгляд на современность, личность произносит над нею тот или другой суд, который, в то же время, есть суд над историей: кто доволен настоящим, тот тем самым оправдывает создавшее его прошлое; кто им недоволен, тот тем самым осуждает ход истории, приведший к таким результатам. Вместе с этим каждый находит нужным действовать так, чтобы поддер-

жать status quo или изменить его в ту или другую сторону, и в личном опыте ищет соответственных наставлений. Без этого невозможна никакая, а тем более историческая деятельность: самый забитый раб римского богача имел общее представление о современном ему моменте истории, так или иначе судил прошлое в его результатах и извлекал себе урок из личного опыта, обусловленного опять-таки созданными историей и создающимися современностью обстоятельствами. Другими словами, у каждого человека есть известного рода обобщение хотя бы самого минимального кусочка историй, известного рода суд над самым хотя бы незаметным для других результатом прошлого, известное наставление, извлеченное из самой хотя бы незначительной доли одного из моментов исторического процесса. Мы живем, слагая себе общее представление о жизни, мы так или иначе судим свою жизнь, так или иначе она нас учит. Конечно, между взглядом каждого смертного и взглядом историка должна быть целая пропасть, но в сущности мы видим только переходные ступени: опыт единицы обогащается опытом других, опытом современников и соотечественников, опытом сошедших в могилу поколений своего и иных народов, опытом целого человечества. Самая последняя ступень поэтому — философия истории, т. е. характеристика жизни не одной особи, а всех особей, составляющих человечество, не одного момента, а целого процесса, т. е. суд над ним не единицы, а, так сказать, вселенский, т. е. наставление не для того или другого лица, а для всего человечества, для всех грядущих поколений. Мы судим жизнь, мы требуем от жизни уроков и без этого не можем даже жить: жизнь так или иначе на нас всегда действует, и с этим сказано все. Проклятое существование! воскликнет, напр., человек, подавленный непосильным трудом и безысходной бедностью, — но если я не буду работать, я умру с голода, рассуждает он далее, — вот очень простой образчик приговора над жизнью и урока из жизненного опыта, еще не самый элементарный образчик, и уже здесь есть суд над историей, ибо это «проклятое существование» один из ее результатов. Но пусть единица прислушается к голосу других, ибо история имела результаты не для нее одной; пусть единица попробует вывести общую формулу существования всех, имевшего место в прошедшем, имеющего место в настоящем и вероятного для будущего, и с этой точки зрения попытается определить ход истории; пусть единица эта задумает извлечь отсюда какой-либо великий урок, —

она получит, конечно, лучшее понимание жизни, нежели если бы судила о ней только по личному опыту, если бы не знала цепи причин, создавших условия ее собственного существования на белом свете, если бы, наконец, извлекала только уроки для себя, не понимая, что наше благополучие или несчастье зависит не от одного нашего поведения и что наше поведение в свою очередь оказывает влияние не на одно наше благополучие или несчастье.

Тут, я думаю, и заключается законность, необходимость философии истории, и все люди вообще и в частности историки всегда поэтому философствовали, философствуют и будут философствовать над жизнью и историей. Нужно только это систематизировать, и систематизация такая началась давно, а с нею возникла и философия истории. Когда это было, я не знаю. Впрочем, и никто этого не знает, потому что от простого приговора личности над своею жизнью до философии истории есть целый ряд постепенных переходов. Нельзя, однако, не отметить одного момента в жизни Европы, когда появилась первая философия истории в форме книги. Было начало V века нашей эры. Рим находился в полном упадке. Варвары стучались и врывались в ворота империи. Тогда в части языческого общества явилась мысль, что во всем виновато христианство: прежде империя процветала, теперь падает; в жизни происходит ухудшение; нужно вернуться к старому, забытому, оставленному порядку вещей. Рассуждение это ничем не отличается от других рассуждений в этом роде, делавшихся и раньше, и позже, но оно вызвало против себя первое сочинение, в котором дана была квинт-эссенция истории, хотя и неумелая, произнесен был над историей суд, хотя и в слишком общих выражениях, что бедствия-де бывали и прежде, и выведено наставление в форме защиты христианства. Сочинение это называется Семью книгами историй против язычников; автор его был испанский священник Орозий⁶. Это действительно первая книга, на главном листе которой можно было бы написать: философия истории. Пока общество будут волновать разные вопросы сколько-нибудь общего свойства, будут писаться подобные сочинения, краткие и пространные, плохие и сносные, будут ли называться их авторы Боссюэтами, Гегелями и Контами, и сколько бы при этом ни являлось людей, которые станут кричать о необходимости уничтожения алхимии и астрологии или, спутывая понятия, твердить, что философия истории и социологии одно и то же.

Алхимия и астрология вызваны чисто фантастическими задачами, но иметь общее представление о жизни человечества, произносить над ней свой приговор, учиться из ее опыта — задача не фантастическая, и люди все это будут делать вечно, пока будут способны обобщать частности, испытывать наслаждение и страдания, руководиться в своем поведении какими-либо программами. Конечно, в самую реальную задачу можно внести фантастический элемент, и его, действительно, частенько вносили: лучший пример Гегель. Общее его представление хода истории не есть результат обобщения, а продукт диалектики; суд над ходом истории произносится у него не с человеческой точки зрения, а уж не знаю с какой; наставления никакого, ибо что ты ни делай, помни, что ты орудие Вельтгейста⁷, который, как положительно заявляет берлинский философ, только «хитрит» с тобою!

Мы делали бы гораздо менее ошибок и промахов в нашей общественной жизни (трудно сказать, где кончается жизнь частная и начинается общественная), если бы лучше знали философию истории.

Нельзя, впрочем, сетовать, что философия истории находится в таком положении. Давно ли стали прилагать к изучению всего человеческого научные методы? Давно ли историческая наука стала как следует изучать прошлое и много ли она еще сделала действительно важных открытий? Давно ли люди, умеющие писать книжки, стали прислушиваться к голосу масс и принимать его в расчет при своих суждениях о судьбах человечества? Давно ли, наконец, перестали требовать от истории только частных уроков, вроде того, как полководец из истории войн, походов и сражений минувшего времени думает извлечь указаний относительно тех ошибок, которых следует избегать в будущем? Давно ли? Очень и очень недавно, и далеко еще не все пишущие возвысились до такого понимания задач науки. Еще много историков работает над каким-либо специальным вопросом не потому, что нужно пополнить какой-либо существенный пробел в знании, а вследствие разных чисто случайных обстоятельств. А сколько писателей судят историю и современность, толкуют о прогрессе и регрессе (чаще все о прогрессе), имея самые смутные и неточные представления о том, какими путями на самом деле шло человечество. Мы не говорим уже о тех советах что делать, которые даются ежедневно обществу людьми, не имеющими никакого понятия о том, какие плоды

даст следование этим советам в связи с общим ходом дел в судьбах человечества. Каждая новая идея с трудом пробивает себе дорогу в общество: много приходится ей бороться с рутинной, ограниченностью, предрассудками, умственной ленью. И чем сложнее, чем труднее новая задача, тем позднее она появляется, тем с большим трудом уясняется, тем медленнее прокладывает себе дорогу. Немудрено поэтому, что вокруг нас раздаются и такие голоса: мы не имеем еще настоящей философии истории. Мы в самом деле ее не имеем.

Но мы должны ее иметь. Без нее мы не можем жить, и ее отсутствие могут заменить нам только крайне несовершенное понимание жизни, крайне близорукий суд над нею и почти никуда негодные правила общественного поведения, которые одни и возможны при недостаточном опыте.

Но возможна ли сама философия истории в настоящее время? И нет, и да.

Если вы хотите такой же точной, такой же неизменной в своих принципах науки, как математика, то вы действительно требуете невозможного, но оно невозможно не только сегодня, но и завтра, и послезавтра, и через год, и через столетие, и через тысячу лет и во веки веков, ибо сама жизнь вечно переделывает понимание истории. Но если ваши претензии идут не так далеко, если вы ограничиваетесь представлением хода истории на основании данных современной науки, если вы довольствуетесь тем судом, который в состоянии произнести наше время, не стремясь, так сказать, предвосхитить окончательный суд последних поколений человечества на земле, если вы ищете в истории пригодных для вас уроков, не мечтая найти нечто такое, что не подвергнется ни малейшему изменению со стороны наших детей, внуков, правнуков и так далее из рода в род, — то, могу вас уверить, вы требуете совершенно возможного. Пусть эта философия истории и не оправдает всех ваших ожиданий, но помните, что успехи исторической науки, новые приговоры над жизненными фактами, большой запас опытности будут постоянно совершенствовать философию истории. С прогрессом жизни прогрессирует и понимание жизни.

Но не лучше ли подождать, пока мы основательнее изучим известные факты, узнаем новые, совершим побольше открытий, сделаем побольше обобщений? Так часто говорят историки-специалисты. Рано, рано, преждевременно, подождем... Мы так часто слышали это от специалистов исторического дела, что нам страшно иногда признаться даже

в простом интересе к философии истории. Подождать! Не значит ли это, однако, не дожидаться? Чтобы получить полную и основательную разработку истории, нужно еще много и много работать, и мы, ныне живущие люди, конечно, не дождемся состояния исторических знаний, которое позволило бы составить, по крайней мере, такое представление о ходе истории в общем и в частности, чтобы преемникам нашим не оставалось ничего для исправления и пополнения. И знаете ли что? Ради успешности в разработке частных историй, необходима какая ни на есть ее философия, ибо без этого мы будем работать в разброд, не зная, что существенно нужно, что важно и что неважно, не имея определенной цели, если не будем постоянно подводить итоги под сделанным и намечать программу дальнейших работ. Люди науки не должны, ведь, работать только для себя или для того отдаленного будущего, когда другие люди найдут, что нот теперь совсем уж пора из собранного материала строить здание. Начнем строить его теперь же: будущее покажет, где нужны переделки, а развитие науки будет постепенно подготавливать и новые материалы для пополнения пробелов. Что бы вы сказали человеку, который так посоветовал бы людям, желающим построить для себя новый город: подождем больших успехов архитектуры, займемся приготовлением камня, дерева; железа, стекла? А людям-то, ведь, пока нужно же жить где-нибудь: хоть шалаши, да должны же они себе построить. В одном, впрочем, историки абсолютно правы: лучше не иметь никаких домов, чем сделанные из паутиной ткани и поддерживаемые соломинками палатки, а таких именно не мало было написано философий истории. Ведь кое-что уже есть и для солидных построек: недаром же роемся мы в архивах и книгах, пишем исторические сочинения, издаем сборники документов и специальные журналы, устраиваем ученые общества, съезды. Неужели и из шалашей город для нас — преждевременная роскошь и неужели нельзя, когда явится возможность, снести постепенно эти шалаши и заменить их дворцами, построенными из мрамора, стали и хрусталя по всем правилам архитектуры и по всем предписаниям гигиены? Готовьте материал, составляйте идеальные планы, разрезы, фасады домов, но помогайте нам строиться... Если нам не дадут материала и не покажут планов, мы уйдем под паутинные палатки или, живя под открытым небом, чтобы хоть воображение наше потешить, создадим себе воздушные замки.

Кажется, дело простое, и историкам нужно будет сдаться, нужно будет, но крайней мере, перестать смотреть на философию истории, как на химеру, как на утопию, как на преждевременную задачу. Но тут новое затруднение: вы хотите, скажут многие, еще какого-то суда над историей, — да научно ли это? Вот, в самом деле, вопрос. Объективизм, объективизм! — кричат со всех сторон.

Да, объективизм! Мы самиотируем за объективизм. По что это за штука? Нет ли здесь недоразумения? Если объективизм - доктрина беспристрастия, да здравствует объективизм! Констатируйте факты *sine ira et studio*, как говорит Тацит. Истина, говорят, нага: обнажайте истину, не подрумянивайте и не черните ее, не накидывайте на нее покрывала, если она некрасива, не создавайте для нее искусственного освещения, чтобы эффектнее выставить ее красоту. Но неужели затем вы с одинаковым чувством будете смотреть на Венеру Милосскую и на Квазимодо? Тут объективизм переходит уже в индифферентизм, беспристрастие делается бесстрастием, а последнее есть, переводя буквально, апатия. Неужели мы будем апатию возводить в догмат?.. Как! И это вы не назовете судом над историей, если скажете, что в ней все безразлично? И это, ведь, суд и притом куда какой неверный: миллионы людей скажут, что для них не безразлично, какое направление принимала история. Вот как мы смотрим на этот вопрос: следователю подобает беспристрастие, но судья не должен быть беспристрастным к закону, праву, справедливости и не может объявить безразличным то, что попрало закон, нарушило право, оскорбило чувство справедливости.

III.

Суд над историей? Где и кто судьи, подсудимые и свидетели, обвинители и защитники, истцы и ответчики?

Кто делает историю? Люди; их деятельность обуславливает ход истории. Вот вам подсудимые. Не будем разбирать здесь вопрос о степени их ответственности, о смягчающих обстоятельствах, о действии по неразумию и т. п.; будем, однако, помнить, что сами люди — продукт истории, что они поступают так, как научила их история, и что потому главная виновница всего — сама история. Ее, значит, и судить нужно, они одна и ответчица. Конечно, ее нельзя засадить

и тюрьму и взыскать с нее бывает, пожалуй, и нечего, нужно только подумать, чтобы она впредь иному учила; но это уже не прямое дело судьи, а законодателя, который должен же чему-нибудь научиться из уроков, данных этой самой историей. Где же теперь истцы? Кому история нанесла тот или другой ущерб? Одни давным-давно сгнили в своих гробах и ничего теперь не ищут, и как их удовлетворить, — вопрос, пожалуй, самый сложный из всех существующих на белом свете вопросов. Но судья, все-таки, должен постановить приговор: история должна впредь исправить все свои ошибки, а исполнителям приговора, т. е. человечеству же, делающему историю, рекомендуется принять это к сведению и руководству. Перед этим судьей должны далее выступить и оптимисты — адвокаты из тех внучков истории, которым она хорошо наворожила, и пессимисты — обвинители из тех ее пасынков, в сердце которых она посеяла одну горечь, и беспристрастные свидетели-историки, от коих судья ждет только констатирования факта; всех их он должен выслушать, сам же обязан забыть, кто для него лично история — бабушка или мачеха, в каких он находится отношениях к той или другой категории истцов, к защитникам и обвинителям, и, конечно, не скрывать того, что сам он знает, как свидетель, а из показаний других вывести самое строгое резюме, Таким-то вот судьей должен быть философ истории: ему принадлежит только резюмирование суда человечества.

Другими словами, философия истории есть суд человечества над самим собой: оно находит формулу своего поведения, подвергает его суду и выводит заключение о том, каково должно быть впредь это поведение. Так поступает и единица, когда замечает, что в ее жизни что-то не ладно: так должен поступить и целый народ, и все человечество, найти формулу своего поведения, подвергнуть ее критике и извлечь для себя спасительный урок.

Что же мы видим у большинства философов истории? Показания свидетелей, речи защитников и обвинителей не выслушиваются, история рассматривается не как результат человеческой деятельности, а как сам для себя существующий процесс, и судья свое личное мнение возводит на степень абсолютного приговора. Говоря так, мы имеем в виду главным образом Гегеля, но что у Гегеля соединено в одно целое, развито в стройную систему, у других мы находим в разбивку. Тут уж философия истории из суда человечества над самим собою превра-

щается в суд абстрактно понятого процесса перед лицом одного человека: пришел человек, с одного взгляда определил, что такое история, и нашел, что все совершается так, как тому и быть подобает, дабы, в конце концов, и привести к философии этого человека. Сам Гегель предъявил к истории этот иск; история его удовлетворила, значит...

А значит это, что о других истцах заботиться нечего. Замечательно, что не один Гегель, не один родственные ему натуры, по даже люди другой категории с трудом находят истцов в суде над историей. Последней ставится известная цель - благополучие человечества, так или иначе понимаемое, т. е. в сущности почти всегда благополучие имеющих прийти последним. Цель дана, все остальное, значит, средства: вся вековая работа поколений только средство для осуществления цели. Пусть страждет человечество, после ему будет хорошо, и из зла возникнет благо. Это, конечно, весьма утешительно, по скажите, почему философ считает историю ответственной только перед имеющими прийти последними? Или он думает, что человечество, которому будет хорошо, то же самое человечество, которому было прежде дурно? Странное заблуждение! Понятно, что истории, как и вообще человеческой деятельности, нужно поставить какую-либо цель; понятно, что цель эта может быть достигнута в отдаленнейшем будущем, но нужно помнить, что от хода истории испытывают то или другое вообще все люди одинаково, бывшие, настоящие и будущие, и никому в этом отношении нельзя отдавать предпочтения. Прошлые радости и горести так же реальны, как и настоящие, и будущие: для философа не может быть выбора. Одинаково нехорошо, если радости внуков куплены ценою страдания дедов, как и то, если слишком веселая жизнь дедов подготовила для внуков одни бедствия, а то и другое бывает сплошь и рядом, хотя, конечно, лучше, когда история готовит больше благ, чем зол для каких бы то ни было людей, где бы то ни было и когда бы то ни было. Прошлое отличается от будущего только тем, что первого не воротить, а второе еще в наших руках. Если мы видим, что для каждого поколения результаты улучшаются, если мы видим, что каждая эпоха готовится, но крайней мере, возможность такого улучшения в будущем, мы говорим о прогрессе, а без этого в последнем слове есть недоразумение. Философы истории слишком привыкли смотреть на всю совокупность людей в последовательных поколениях, как на одного человека, и на их вековую

жизнь, как на своего рода Одиссею: в поэме Гомера, однако, один и тот человек страдает в пути и успокаивается у домашнего очага.

Мы думаем, что кто в настоящем видит все в розовом свете, тот и в прошедшем, создавшем это настоящее, все оправдает. Или мы не знаем, что в жизни добро перемешано со злом, свет с мраком, белое с черным? И странно, что для такого критического ума, как Вольтер, нужно было такое грандиозное событие, как лиссабонское землетрясение, чтобы отказаться от формулы: все к наилучшему в сем наилучшем из миров. Философ истории не может быть оптимистом: против него будет вопиять вся пролитая человеческая кровь, все пролитые людьми слезы.

Старая штука! Проповедь пессимизма на новый лад! Боже меня сохрани! Пессимизм непримирим с историей. Прочтите у Шопенгауера об этом. Против философа истории пессимиста подымется притом не мало голосов: его осмеют на праздниках жизни, над ним улыбнутся грядущие поколения, которые сумеют разумнее устроить свою жизнь. Историк не может отказаться от идеи прогресса, потому что есть же в самом деле прогресс, и философия его вам докажет.

Не оптимизм и не пессимизм, что же в таком случае? Не знаю. Называйте, как хотите, но только знайте, что не объективизм, не индифферентизм, не апатия. Мы против обозначения слишком сложных вещей одним словом. Будем судить историю, как часто судим жизнь: это не нечто такое, о чем говорят ни то, ни се, потому что бывает и так, и сяк, то светло, то темно, то тепло, то холодно. Для отвлеченных целей придумывают средние температуры, в действительности же бывают мороз, холод, тепло, жара. Про себя мы можем держать какую угодно идею, но вносить личное настроение в историю не годится. Можно ли полагаться на человека, страдающего вечным ознобом, если он вам скажет, что в Лапландии и Африке одинаково холодно? Вы прибегнете к показаниям термометра, но все же он знает, что людям жилось всегда лучше во время мира, чем во время войны, после хорошего урожая, чем во время недобора и т. д. А против оптимиста всегда можно выставить свидетельства людей, которые искренно проклинали жизнь, как против пессимиста — свидетельства диаметрально противоположного свойства. Вот почему мы говорим: не оптимизм и не пессимизм. Что же касается будущего, то оно до известной степени в наших руках, и чтобы его устроить, насколько

возможно хороши, нужно знание и добрая воля. Знание, пи крайней мере, без уроков исторического опыта невозможно, добрая же воля... что в самом деле сказать о доброй воле? Я думаю, что за одно можно простить многие грехи истории: несомненно, что без нее не было бы знания и даже не было бы никакого понятия о доброй воле.

Тем, которые против суда над историей, принципиально против, я еще раз сделаю возражение: в вашем личном настроении, в вашем оптимизме или пессимизме уже заключаются зародыши этого суда. Для пессимиста момент начала жизни, начала истории есть бедствие, для оптимиста — радостное событие, и в этом заключается осуждение или оправдание истории, а в личной жизни нельзя быть ни тем, ни другим: стоический индифферентизм есть апатия, моральная смерть. Пусть каждый лично для себя радуется или печалится, что существует история: его приговор не имеет общеобязательной силы, общеобязательно признать только факт начала истории и что таков-то был ее ход, и что если мы будем поступать так-то, то получим то-то и то-то, а иначе — то-то и то-то. Из истории вы и узнаете, при каких обстоятельствах рождается в единицах и массах то или другое настроение и как создаются такие обстоятельства. Не забывайте, что наша подсудимая ведь и учительница наша, и чем строже мы ее судим, тем лучшие она нам дает уроки.

Критика прошлого существовала всегда. Нужно ее регулировать. Вот задача философии истории. Но для критики нужен критерий, для суда нужен принцип. Только люди без царя в голове судят без принципа, но за то судят вкривь и вкось. Где та идея, во имя которой мы хотим судить историю, та мерка, под которую мы будем ее подводить? Эта идея, эта мерка — прогресс. Оставим на время прежнюю точку зрения и станем на другую. Мы называем разумным все то, что целесообразно, и во всем сущем стараемся отыскать такой смысл: так уж устроен человек, что вещь, не имеющая цели, кажется ненужной, бессмысленной. Философы истории всегда стремились постигнуть смысл этой постоянной смены одних состояний общества другими. Каков смысл истории? Каково значение этих перемен? Если мы не идем ни взад, ни вперед, то все изменения, которые мы видим в истории, не имеют, значит, никакого смысла: не все ли равно, что историческая жизнь, что первобытное существование? Но мы, конечно, движемся в ту или другую сторону, и в обоих случаях перемены, выходит, имеют извест-

ный смысл. Для нас, конечно, не безразлично, куда мы идем: если к худшему, нужно жалеть, что мы не родились раньше, но если к лучшему, то порадуемся, что раньше не явились на свет. Весьма естественно спросить, куда ведет нас история, и потребовать у нее самой ответа на этот вопрос. В сущности, однако, это — обобщение всех отдельных претензий, предъявляемых к нашей ответчице ее многочисленными истцами. Что совершается в истории: прогресс или регресс? В другой форме вопрос этот ставится так: какие результаты имеет каждая перемена для каких бы то ни было людей, где бы то ни было, когда бы то ни было? Чем благоприятнее перемена для современников или для следующих поколений, тем лучше, т. е. тем скорее и полнее совершается прогресс. Каждая перемена приносит известные результаты, осуществившиеся уже или возможные, и вот по этим-то результатам мы должны судить о прогрессе. Прогресс — это, так сказать, идеальная дорога, по которой должна была бы идти история, чтобы иметь определенный смысл и смысл для нас благоприятный. Вся задача историка — следить, шла ли история по правому пути, т. е. сравнивать ее действительный ход с идеальной линией, нами начертанной, и мы, конечно, будем, с одной стороны, судить историю за ее отклонения, а с другой — стараться направить ее на истинный путь. Представьте историю в виде реки: идеальным направлением ее течения была бы прямая линия, которую вы провели бы от ее истока к избранной вами точке, но она течет зигзагами, и вы узнаете только на известном месте ее течения, что оно направляется несколько не туда, куда вы хотите плыть. Что остается вам сделать? Прежде всего узнать действительное направление реки, потом определить его отношение к вашей прямой линии и, наконец, из знания того и другого вывести заключение о том, как заставить реку проложить себе русло в желательном для вас направлении. Вот это-то определение отношения действительного к идеальному, данного к желательному и будет вашим судом. Человек (и это очень понятно) хочет видеть смысл только в такой перемене, которая создает лучшее или необходимое условие для лучшего, и, разумеется, от каждой перемены он будет требовать этого смысла: он осудит перемену к худшему, как регресс, он осудит застой, как отсутствие прогресса, ибо раз движение началось, какой смысл в остановке? И это, конечно, не помешает ему постигать, в то же время, причинную связь между всеми этими переменами, разве нельзя пони-

мать и судить, т.е. определять взаимное отношение двух фактов и, вместе с тем, находить результат этого отношения дурным или хорошим? Восстановите ход истории и прикиньте его к тому идеальному пути, который вы называете прогрессом: совпадения, конечно, не будет, но, все-таки, ведь, можно же будет сказать, шли ли доселе обе линии в одном направлении вообще и когда в частности одна из них очень уж отклонялась в сторону от другой или когда заметно принимала желаемое направление. Дело это, однако, очень сложное, потому что хода истории вы никак не ухитритесь изобразить одной линией: во-первых, разные народы идут разными дорогами; во-вторых, пути отдельных классов, на которые распадаются народы, тоже расходятся; в-третьих, движение совершается в разных сферах, взаимно влияя одно на другое весьма для разных времен и мест неодинаково, в сферах умственной, нравственной, политической, юридической и экономической. Тут есть над чем поломать голову, чтобы решить такую задачу. Но во всяком случае без формулы прогресса, как выражения идеального хода истории, т. е. последовательности таких перемен, которые ведут человеческие общества все к лучшему, — без такой формулы философу истории обойтись нельзя.

Замечательно, что и на деле нет ни одной философии истории, в основе которой не было бы подобной формулы. Но, Господи, сколько здесь новых ошибок! Первая из них, очень распространенная, это — предположение, что та или другая формула прогресса — самый закон истории, что действительный ход истории совпадает с идеальным: тут корень исторического оптимизма многих философов. Другая ошибка, это — узкое понимание прогресса не в смысле улучшения результатов истории или возрастания возможности их улучшения, а в каком-нибудь частном, одностороннем отношении. Таковы многие философии истории, которые с большим правом могли бы назваться историями религии, философии, науки, государства, права и т. п. Поэтому выработка формулы прогресса дело первостепенной важности, и это чувствовали, конечно, все те, которые писали большие и малые трактаты о прогрессе. Теория прогресса должна быть действительно последним словом социологии и первым словом философии истории.

Прогресс! Мы так часто слышим это слово и так, кажется, хорошо его понимаем. Прогресс! Есть ли это вообще движение или движение в определенном направлении? Чи-

татель, конечно, догадывается, какой наш ответ. Но если это — движение к определенному направлению, то где конечный пункт, где цель? Где же, как не в том, в чем может только человек видеть цель, достойную вековой работы человечества. Объявляем прямо, что говорим о том, что называется идеалами.

Да, так торжественно приходится объявлять это в настоящее время. Недавно еще нужно было запирать двери философии истории перед идеализмом и защищать реализм в истории. Теперь последний, по-видимому, так прочно утвердился в науке, что не нуждается в защите, но люди склонны понимать каждый принцип односторонне: если одни во имя почтенного принципа объективизма проповедуют индифферентизм, то другие (в сущности большею частью те же самые) во имя реализма отвергают всякий идеализм. Но, ведь, идеализм идеализму не чета. Одно, я думаю, дело выдавать идеи, продукты нашего мышления, за вещи, существующие вне нашего мышления и независимо от него, другое — иметь идеи, не только о том, что есть, но и что должно быть. С точки зрения идей последнего рода мы судим свое и чужое поведение, судим жизнь, современность, историю. Не дать места такому идеализму в философии истории значит испугаться только слова, названия. Или идеализм будет играть принадлежащую ему роль в философии истории, или лучше уж откажемся от этой науки, а чтобы отказаться от решения такой задачи, какую она себе ставит, нужно иметь очень серьезные мотивы или очень большую храбрость, граничащую... с развязностью. В сущности дело и тут поставлено так, что нужно выбирать между принципами и индифферентизмом. Говорят, с последним легче живется. Мало ли что! Известно, что кому очень уж легко живется, тому истина в руки дается с трудом.

IV.

Нам кажется, что, помимо всего сказанного, само изучение истории немислимо без суда над нею даже для тех исследователей, которые вовсе не задаются целями, намеченными выше для философии истории. К числу фактов, составляющих предмет науки, относятся не только деяния людские (*res gestae*) и их результаты, но и суждения о них современников и потомства. Как относилась та или другая

эпоха к тому или другому событию, как относились различные классы общества и отдельные единицы к окружавшей их современности, людские восторги и жалобы, разочарования и надежды, — все это факты, мимо которых историк не имеет права проходить даже в том случае, если не задается широкими целями философии; в противном случае мы будем в полном праве спросить его, почему эти факты он не считает достойными исследования, в противном случае он не будет в состоянии ответить нам, почему люди действовали тогда-то и тогда-то так, а не иначе. Но раз это так, является задача сравнивать события с суждениями о них, чтобы видеть, насколько верно было понимание того, что делалось, у людей изучаемой эпохи, чтобы видеть, какой общественный класс показал более проницательности и какой вследствие своей близорукости наделал пагубных ошибок, чтобы видеть, насколько основательно было отношение этих классов к современности, насколько было целесообразности в их действиях, чем объясняются разочарования и возможно ли было осуществление данных надежд. А разве все это не требует от историка собственного мнения по всем этим вопросам, известной критики, известного суда? Люди при оценке своей эпохи упустили из виду существенные стороны ее характера, — нужно поправить, а поправить чужую оценку значит дать свою и, в нашем случае, оценку, основанную на лучшем знании истории. Отдельные классы общества взглянули на современность односторонне, не сумели дать такого о ней приговора, который удовлетворил бы нас, — нужно изменить этот приговор, попытаться основать его на более разностороннем взгляде, но опять-таки изменение чужого приговора есть произнесение своего. Люди действовали нецелесообразно; они жаловались на то, на что менее нужно было жаловаться, и не жаловались на то, что действительно этого заслуживало, не понимая настоящей причины своих бедствий; они восторгались вещами, которые влекли за собой несчастья, и не замечали явлений, которыми могли бы воспользоваться ради своих целей, не имея понятия о естественных последствиях того или другого явления, они возлагали надежды на то, что при лучшем знании жизни вовсе не должно было бы вызывать этих надежд, и разочаровались иногда слишком поздно, когда заранее можно было предвидеть печальные результаты. Разве не случается это сплошь и рядом? Разве сплошь и рядом мы не высказываем подобных суждений по поводу своего и чужого поведения? Разве в

своих и чужих ошибках мы не ищем объяснения разных неудач и разочарований? И если историк не будет прибегать к этому методу для объяснения изучаемых им явлений, можно ли от него ожидать понимания истории? Нет, тысячу паз нет! И, действительно, историки вечно в этом отношении творят суд над прошлым, каждый по мере своих способностей и своего разумения. Мы даже осмеливаемся утверждать, что, пользуясь этим методом, со временем историки будут в состоянии оказывать обществу громадные услуги. Мы даже осмеливаемся утверждать, что многие наши ошибки в общественной жизни именно от того и происходят, что мы не прибегаем к историческому методу или слишком поздно начали им пользоваться, чтобы совсем отстать от прежних привычек. Если историки будут отказываться от суда, а люди, судящие и на своих приговорах основывающие правила поведения, будут сторониться истории, то путного ничего не выйдет ни в науке, ни в жизни: наука сама по себе, жизнь сама по себе! Если люди практической жизни очень часто относятся скептически к науке, то хотя и односторонне, по они бывают правы: знание, значит, не выполняет одного из требований, которые ему предъявляются обществом. С другой стороны, если люди науки находят практическую жизнь чересчур мелкою, то и они бывают правы, хоть опять-таки односторонне: значит, общество, их окружающее, равнодушно к знанию, а потому безыдейно, значит, общество не хочет учиться даже тогда, когда у науки есть чему поучиться. Тут выходит какой-то *circulus viciosus* один из тех заколдованных кругов, которыми полна жизнь и история, и его нужно разорвать. Кто его разорвет? Кому это ближе всего сделать?

А, между тем, историки, и не думая об этом, все-таки, продолжают судить и рядить: так велика эта потребность суда. Одни развенчивают, снимают с пьедесталов, записывают на черную доску тех, кому кланялось человечество; другие занимаются реабилитацией, возвышением, прославлением Тибериев, Неронов, Феодор византийских⁸ и Лукреций Борджиа⁹. Одни за Помпеи, другие за Цезаря, одни за папу, другие за Лютера, одни за Мирабо, другие за Робеспьера и т. д. и т. д. Где история, там и суд, но часто суд односторонний, пристрастный, неправый, не стоящий того, чтобы им занимались, но, все-таки, суд и суд! Прогоните его в явной форме, он вотрется к вам невидимкой: в выборе, освещении предмета вы увидите его, этот суд. Изгоните его и в этой его

форме, но тогда вам нельзя будет заняться ничем живым, тогда за историей останется узкое поле критики источников (да и то, когда не приходится иметь дело с личностью автора), решения разных археологических вопросов, в котором году, на каком месте, как звали, чей был сын и т. п. исторических ребусов, именно своею трудностью и привлекающих к себе внимание записных любителей умственной гимнастики, без всякого отношения к тому, какой из всего этого прок. Такой науки практическая жизнь никогда знать не захочет, но такая наука именно и может обойтись без суда, остановиться на одном следствии, хотя бы предмет его заключался в том, как звали человека, который прошел по пыльной дороге, оставив на ней следы от сапога с необыкновенной подошвой.

Все, что мы говорим, конечно, очень старо, да мы и не думаем об этом много распространяться. Науку для науки и науку для жизни понимают вообще очень односторонне. Мы за науку для науки, но если под этим разумеют удовлетворение любопытства, как бы вздорен ни был его предмет, мы за науку для жизни, но опять-таки с ограничением: если под этим разумеют служение исключительно одним интересам дня, то мы опять за науку для науки. Пора, кажется, бросить этот спор. На науке должна отражаться жизнь, но именно очищенная наукой; наука должна влиять на жизнь, но именно наука, не разорвавшая с нею связи. Применяя это к вопросу об истории, мы найдем, что знание прошлого, не оторванное от жизни и претендующее оказывать на нее влияние, именно и не может обойтись без суда над этим прошлым. Все, находящееся вне этого, есть знание мертвое и бесполезное или только необходимая ступень для живого и полезного знания.

И люди науки, и люди практической жизни (что делать! такое разделение существует) часто не видят последнего: первые ради средств забывают цели, другие не понимают, каких средств требует достижение цели. Вот и возникает спор о науке для науки и о науке для жизни. В сущности, если требования жизни таковы, что суд над историей необходим, то же нужно и для самой науки: без суда нет истинного понимания истории. Результаты истории зависят в известной степени от людских ошибок, но кто говорит ошибка, тот произносит суд. С другой стороны, если история не будет заниматься вопросами, не имеющими прямого отношения к жизни, понимаемой в самом узком смысле, к современности,

взятой в значении текущей минуты, то она никогда не будет серьезной наукой. Будем ли мы смотреть на мир Божий из окна ученого кабинета или глазами уличной толпы, мы таким образом не можем, в конце концов, отказаться от суда над историей.

И жизнь, и наука предъявляют нам, следовательно, одинаковые требования. Кто хочет понимать, действительно понимать реальную жизнь, кто не разлагает ее на абстрактные формулы, помогающие пониманию, но дать его неспособные, кто не ограничивается возней с абстракциями, хотя бы и очень интересными и научно добытыми, кто не прикрывает ленности мысли требованиями строгого объективизма (в смысле индифферентизма) или во имя требований научности, ошибочно понятых, не искажает, не калечит стремлений своего ума, кто не устраняет из рассмотрения фактов, требующих по своей природе субъективного отношения к себе со стороны исследователя, — тот непременно понимание свяжет с суждением, науку с жизнью, и только тот, повторяю, будет понимать, понимать в самом деле.

Но не возвращаемся ли мы к тому, что сказано было нами прежде? Что это за факты, по природе своей требующие субъективного к себе отношения? Это и есть приговоры людей над современностью, суд человечества над историей: они-то, эти приговоры, доставляют философу истории основания для его суда над нею и материалы для понимания ее перипетий. Каждая единица может быть верховным судьей в вопросе, чем для нее была история, матерью или мачехой, и тут историк не имеет права навязывать своего мнения: жалуются человек, — значит ему скверно. Но каждый индивидуум может обобщать свое личное настроение, не понимать, где условия его благополучия и где причины его страданий, ошибаться относительно средства, полагаться на обманчивые надежды, не видеть основ своих будущих разочарований, словом, ошибаться в своих общих приговорах над жизнью, в своем суде над историей, и тут для историка открывается широкое поле для критики, для суда над людскими мнениями. Но судьба человека зависит от других людей, и деятельность каждого, кроме непосредственных результатов, имеет еще более широкие, более отдаленные для всей истории: разве тут нет предмета для суда, для оценки деятельности людей, как полезной и как вредной, как прогрессивной и как регрессивной? А, наконец, весь ход истории в сравнении с формулой прогресса!

Суд над судьбой людей, суд над мнениями их, обусловленными этой судьбой, суд над действиями, вытекающими из этих мнений, суд над действиями, направляющими ход истории, суд над ходом истории, обуславливающим судьбу людей, — посмотрите, как все это тесно и неразрывно связано: выбросьте одно звено, цепь порвана, а, между тем, каждое из них связано тесно и с особой, независимой от прочих звеньев, основой.

Влияние истории на человека — предмет, сам по себе достойный изучения?

Мнения людей о влиянии истории на их судьбу — предмет, сам по себе достойный изучения?

Влияние человеческих деяний на общий ход истории — предмет сам по себе достойный изучения?

Еще бы отвечать отрицательно на эти вопросы!

Но один из этих предметов немислим без другого, и все немислимы без суда. Люди судят свою судьбу, историк судит их мнения о ходе истории и их действия по отношению к этому ходу. Люди практической жизни должны послушать науку о том, как в самом деле идет история, люди науки должны прислушаться к голосу человечества, чтобы самим иметь вполне верное представление о его судьбах. Опять мы приходим к необходимости постоянного взаимодействия науки и жизни, теоретической и практической мысли.

Да, именно теоретической и практической мысли! И знаете, почему одна теоретическая мысль бессильна перед задачей истории? Да именно потому, что жизнь, вечно управляемая практической мыслью во всех ее проявлениях, от инстинкта до самого высокого идеализма, не в состоянии быть понята иначе, как при помощи того, что создает ее самое, т. е. без участия мысли практической.

Я где-то, — не помню, у кого, — вычитал мысль, что та же деятельность, которая создает историю, создает и ее понимание. Это очень верно. Жизнь слагается из суммы впечатлений, но мы воспринимаем их не пассивно, мы их стремимся понять и оценить. Понимание и оценка прошлого, — вот задача и истории, но никак не пассивное воспроизведение прошлого. Историческая книга, историко-философская теория не простое зеркало, в котором отражается внешняя сторона прошлого, не самопишущий аппарат, отмечающий общественные явления и создающий нечто вроде протокола, это — продукт мысли, перерабатывающей в своем горниле данные опыта, продукт той же способности, которая

оценивает впечатления и стремится к новым, продукт творческого духа, практической мысли в одной из ее форм. Связь тут такая, что историю философии истории вы не поймете без истории жизни, без истории общества, возьмете ли вы Боссюэта¹⁰, Лорана¹¹, Гегеля, Канта или кого угодно. И если бы мы когда-либо взяли за благодарную, но очень трудную тему проследить развитие нашей науки, то первым делом признали бы необходимым следить за ним в тесной связи с перипетиями общественной жизни, с философскими, социальными, моральными доктринами разных эпох: тут важно не то, что сказал такой-то автор, а почему он это сказал. Мы увидели бы тогда, что время от времени являлись люди, которые брали на себя задачу подвести итог всему прошлому и сделать ему оценку; мы увидели бы, кто из этих людей стоял на высоте понимания, возможного для данной эпохи, кто отставал от уроков жизни, кто стремился предвосхитить идеи будущих поколений; мы увидели бы, насколько предсказания философов истории оправдывались общим течением дел. Особенно было бы интересно сделать это для последних двух веков, ибо только с XVIII века и идет непрерывная традиция философии истории, как системы: до XVIII века мы имеем большею частью только предшественников философии истории. И знаете ли, почему это так? Да именно потому, что только в XVIII веке наука и жизнь стали между собою сближаться, и хотя в историко-философской литературе первое место принадлежит Германии, особенное влияние жизни на историю и исторических идей на жизнь мы наблюдаем во Франции.

Теперь я могу кончить, потому что главные аргументы высказаны все. Интересы и жизни, и науки, инстинкты нашей природы и стремления нашего разума одинаково требуют суда над историей. Каких же еще аргументов нужно? Если кого смутит то соображение, что где же гарантии против суда несправедливого, то их, конечно, нет нигде, кроме научного и общественного воспитания историка. К сожалению, до сих пор философы истории были плохими судьями: национальные и политические пристрастия, профессиональная ограниченность, односторонний интерес к тому или другому продукту общественной жизни значительно искажали правый суд. Да, гарантии против судьи необходимы, и как всякий суд находит их в формах судопроизводства, так и тут необходимы формы. Не скроем от читателя, что хотя историки и философы уже искали эти формы, и многие даже в исследовании

их полагали сущность философии истории, сколько, тем не менее, еще спорного в этой области, сколько противоречий! Представьте одновременное существование юристов, из которых одни признают ордалии¹², другие — судебный поединок, третьи — пытку, четвертые — систему формальных улик, как лучшие способы доказательства, и вы получите приблизительное понятие о той умственной анархии, которая господствует в среде философов истории. Дисциплина необходима, необходима система «исторической мудрости». Если философия истории не праздная игра ума, а серьезное дело науки, то наука должна поставить на очередь этот вопрос.

Из этой-то области мы и взяли один предмет в этой статье. Мы не имели претензии дать тут полное решение вопроса, исчерпать его: для этого нужен, пожалуй, целый том, а не такая небольшая заметка; но иногда важно наметить вопрос, указать, в каком направлении его следует решать, высказать просто личное мнение, подсказанное опытом. Велико ли, мало ли будет наше знакомство с исторической литературой вообще и в частности с историко-философской, мы вынесем из него непременно глубокое убеждение, что нужно систематизировать суд над историей, дать для него определенные формы, обставить его научными гарантиями. Но в том-то и весь вопрос в наше время, законен ли еще этот суд? Опять позволю себе сказать, что и личный опыт, и наблюдение над развитием исторической литературы и общественной жизни подскажут нам решение, как мне кажется, в пользу нашей компетентности: самое любопытное — то, что отрицающие законность суда, тем не менее, судят постоянно так или иначе.

Нет, пред неизбежностью нужно преклониться, а если ум наш открывает в ней вредные стороны, то остается только создать условия, которые бы их устранили. Мы знаем, что для умов, предпочитающих свободный полет фантазии кропотливому добыванию истины, всякие рамки тесны; мы знаем, что другие умы, слишком **осторожные**, добровольно накладывают на себя цепи и ограничивают свой кругозор; мы знаем, что вообще нет совершенства в человеческой мудрости, и потому-то нужно точно очертить круг прав и обязанностей нашего ума, нашей критики. Философия истории «ныне не в авантаже обретается»; мы поднимаем голос за философию истории, но, помня старые ее грехи, мы еще раз ей напоминаем: нужно знать то, что судишь.

На этом и кончим!

ПРИМЕЧАНИЯ И КОММЕНТАРИИ

1 Не забудем, уважаемый читатель: статью Н. М. Кареев писал в конце 1883 г. Споры же о философии истории по тем же меркам, о которых говорил наш автор, ведутся уже более двух веков.

2. Протей — греческое морское божество, которое умело принимать облик зверя, воды и дерева. По другой версии Протей был царем в Египте. В переносном смысле — непостоянный, изменчивый человек.

3. Гизо (Quizot) Франсуа (1787—1374), французский историк и политический деятель, один из «отцов» теории классовой борьбы. Имеет ряд исследований по истории Франции.

4. Бокль Генри Томас (1821—1862), английский историк и социолог-позитивист. Его сочинение «История цивилизации в Англии» (Т. 1—2. 1857—1862; русск. пер. Т. 1—2. СПб., 1863—1864) имело очень широкое распространение в европейских странах, в том числе и в России, поскольку автор предпринял попытку открыть исторические законы социального прогресса.

5. *raison d'être* (франц.) — право на существование, разумное основание, смысл.

6. Орозий (Orosius') (ок. 380 — ок. 420), римский историк, священник. «История против язычников в 7 книгах» написана по указанию Августина с целью доказать, что христианство явилось спасением для человечества.

7. *Weltgeist* (нем.) — мировой дух, абсолют, одно из центральных понятий философской концепции Гегеля.

8. Феодор византийских. Н. И. Кареев, по-видимому, имеет в виду императрицу Феодору, жену императора Феофила (829—842), управлявшую вместе со своим братом Вардой, вместо Михаила III (842—867). Понятно, что такое управление не отличалось умелостью.

9. Лукреция Борджиа, дочь Александра VI (римского папы (1492—1503)), которая явилась послушным и пассивным орудием политической игры отца и брата. Она много раз отцом выдавалась замуж для достижения его далеко идущих целей. Задетая развратом семьи, но свободная от возведения на нее чудовищных обвинений, Лукреция вызывала бесконечные споры. Современники отмечают красоту «золотоволосой» Лукреции, ее необыкновенное, никогда не покидавшее ее веселье и грацию.

10. Боссюэт (Boossuet) Жак Бенинь (1627—1704), французский писатель, епископ. В своих сочинениях рассматривал историю как осуществление воли провидения, отстаивал идею божественного происхождения абсолютной власти монарха.

11. Лоран (Laurent) Француз (1810—1887), известный бельгийский юрист и историк. Большую известность приобрел во всех франкоязычных странах.

На основании изучения истории человечества, начиная с отдаленнейших времен, доказывал безусловную необходимость полного отделения церкви от государства.

12. Ордалия — средневековый варварский способ выяснения виновности лица, подозреваемого в преступлении, путем так называемого суда Божия (испытания огнем, водой, раскаленным железом, поединка с обвинителем и т. д.). Подсудимый, выдержавший пытки, объявлялся невиновным.